

Покидая Вавилон

В непосильные дни, дни любви, бесконечной тревоги,
Где тебя мне искать? Только в сон мой зайдешь иногда,
Где ты робко ласкаешь смиренного единорога,
Белый агнец уснул, и мерцает сережка-звезда.

Прохожу виноградник, не здесь ли с тобой повстречаюсь?
Обовьешь мою жизнь виноградную щедрой лозой.
Я иду мимо розы, и роза бутоном качает,
Чуть задетая каплей дождя, а быть может — слезой.

Вавилон зазывает, морочит, за полы хватает,
А над шумом и гамом — безмолвная кроткая высь.
Финикийские перстни, хитоны, шелка из Китая, —
Как же много всего, без чего я могу обойтись!

Семиглавые звери, огонь в их глазищах-агатах,
Голоса лжепророков, послушные звону монет...
Я хочу позабыть мутно-желтые воды Евфрата,
Эти дни без тебя, эту башню, закрывшую свет.

От навязчивой яви хочу — не могу пробудиться.
И в прикрытых усталых глазах — мельтешение лиц.
Город пуст без тебя... В небесах одинокая птица...
Город пуст, как пустые глаза вавилонских блудниц.

Белый агнец пылает в костре, поднимается пламя,
И... мрачнеют жрецы, изучая оттенки огня.
Я ловлю твое имя в гудящем вечернем бедламе,
Я ловлю жадным сердцем, и нежность сжигает меня...

Дом

Дом — живая душа. Память лестниц, перил...
Он заждался тебя, занемог, захандрил.
В темных окнах его — погрустневших глазах —
Отблеск старой любви, одиночества страх.
Дом так верил тебе, вдаль смотрел столько дней,
И мечтал, словно пес, о хозяйке своей.
Буду с ним говорить — заговаривать боль.
Так и сходят с ума, отыграв свою роль.
Ни единой звезды за квадратом окна,
А звериная нежность проста и темна.
Дом тихонько скулит, и бывает, поверь,
Что сама по себе открывается дверь,
Но стучат каблучки, и не то, и не так —
Той мелодии нет, а она не пустяк...
Спит кирпичная плоть, и зеркал западня,
Где печаль с каждым днем размывает меня.
Как строги зеркала, как бесшумна волна!
О тебе — скрип дверей, о тебе — тишина.

Дорога навеки

Нас делали старше военные марши.
Стучат барабаны о юности нашей.
Зачем и куда? Ответ у порога:
Призвание мужчины — война и дорога.
Пусть флейты бравурно готовятся к бою.
Лишь вашу улыбку я взял бы с собою.
Вы смотрите грустно, вы смотрите строго,
Такою и будет эта дорога.
Дорога на годы, дорога навеки,
Лишь темное небо, бессонные реки,
Лишь стук эшелона, и в нем все ответы:
Не с вами закаты, не с вами рассветы...
И все же спасибо ветрам и дороге:
Не так уж и мало в конечном итоге,
Где тайная нежность и тайное имя,
Где люди, как листья, ветрами гонимы.
Крупинки, снежинки военной метели, —
Запомнить друг друга почти не успели,
Но, если бы вы меня полюбили,
Меня б ни за что на войне не убили...

Солдатики

*Все в будущем,
за морем одуванчиков.
Мне кажется, что я — один из мальчиков.
Александр Кушнер*

Нам снились войны, бои в развалинах.
Кричали войны: «Вперед! За Сталина!»
И прорастали мы из камня битого,
Из фотографии отца убитого.
Ах, сны огромные, послевоенные!
По нашим улицам шагали пленные.
Наш бедноватый рай трещал атаками.
Мы все татакали, а мамы плакали.
В солдатиков играли мы, в солдатиков!
Катали пулечки из липких фантиков.
Война опять звала в свои пожарища,
Где у солдатика — лицо товарища...
И сами мы судьбу свою накликали.
Стальные скрипки вволю попиликали.
Не оловянные сражались лейтенантики.
В чужой земле гниет зерно романтики...
Так далеко от мам своих зарытые,
Изломанные мальчики, забытые —
Не вспомнить имени, не вспомнить отчества.
Служить Отечеству — путь одиночества...
В руинах времени не спят мечтатели.
Царица-боль взошла, и снится матери:
Звездой мальчик стал. Любви! — не мщения.
Дух захватило от высот, высот прощения...

На вокзале, на вокзале
Набирали кипяток.
Там толкались и кричали,
И опять ревел гудок.

Грохотала, скрежетала
Новой битвы шестерня,
Но беззвучное звучало:
«Только помни, жди меня».

А над всеми — небо! Небо!
Исцеленье, высота.
В тихом слове — кротость хлеба
От пяти хлебов Христа.

Перетерпим это лето.
Перетерпим этот век.
Перетерпим, ждал бы где-то
Верный, милый человек.

И в бинтах, в обрывках бреда,
В снах, холодных, как зола,
Мы спешим, как пес по следу,
За остатками тепла.

Кто забыт — вернется тенью
В дом холодный без огня...
Но и в небо есть ступени:
«Только помни, жди меня».

Исход

Растрескались камни в струящемся зное.
Тень беркута гонит мечту о покое.
Покатится камень, под камнем — гадюка,
Шипенье, и снова — ни слова, ни звука...
В песок раскаленный ложатся верблюды.
Веди, Моисей, обещай свое чудо.
Ты вывел из рабства, ты выказал силу.
Но... сила пустыни меня победила.
Уже не боюсь я ни хлада, ни глада, —
Боюсь твоего беспощадного взгляда.
Я следом иду, и тебе я послушен,
Молю об одном: не заглядывай в душу...
Идем за тобою, идем неустанно
К земле наших снов, земле Ханаана.
Могучего старца могучая воля
Ведет нас пустыней, изъеденной солью,
Долиной камней и ночных скорпионов.
Но было ли плохо в плену фараона?
И кажется сладкой неволя былая,
И кажется вкусной похлебка гнилая...
Пойми, Моисей, мне не жаль нажитого,
Не слушал я рева тельца золотого.
Устал я! Устал! Я останусь в пустыне
С последней надеждой — молитвой о сыне,
О дочери милой, о внуках, о многом...
Мы — люди исхода, мы призваны Богом...
Лишь только бы дети дошли, увидали
Молочные реки, медовые дали...

Попытка оглянуться

Колблется пламя, дрожит, угасая,
Свеча затухает... Займется ль другая?
И что же запомнилось, что же осталось?
Был шарик воздушный, надежда и жалость,
Мишень паутины и тонкие струны
Над пентаграммами пыльных петуний,
Июнь первых ягод и дачного чая,
Июнь, что сломался, как ветка сухая...
Шатается память, ведь ей не по силам
Обратный отсчет, возвращенье к могилам,
Тот запах лекарств и молчанье кукушек,
Кардиограмма еловых верхушек.
Слоняется память в толкучке больницы,
Она не забыла угрюмые лица.
Не тешься надеждой, не жалуйся другу:
Несчастье — кругами, несчастье — по кругу...
Так дайте мне время! Забуду о яме.
Трава эту глину скрепляет корнями,
Скрепляет — не может. Стою в чистом поле
С душою озябшей, а глина глаголет...
Но были не только несчастья, больница.
Я видел другие, счастливые лица,
Улыбку мальчишки на площади скучной,
Взлетающий в небо шарик воздушный.
Был в храме гудящем огонь нисходящий,
Огонь нисходящий над жизнью пропащей.
Дыхание Бога, дыханье любимой,
Движение жизни неизъяснимой...

Малая родина

*«...приходит Иисус из Галилеи...»
(Мф. 3:13)*

Нет плевел, только доброе зерно
В душе твоей, она чиста, напевна,
И ты живешь так просто, так земно,
Но рядом Бог, и чудо повседневно.

Ты поднимаешь к небу малыша.
У нежности и слова нет границы.
Вбирая горний мир, растет душа
И познает родство с небесной птицей.

Есть высший промысел в доверии судьбе.
Внезапный холодок скользнет по коже,

И открываешь дар пророческий в себе,
И мощь библейскую — в чертах прохожих.

Как два сохатых, выходя на бой,
Как две травинки, пробиваясь из-под снега,
Померяемся верою, друг мой,
Где Родина есть альфа, мы — омега.

Щедра благая весть! Любой выходит срок,
Но не любви. Я не пророк, но все же
Поверим сердцу, пусть надмирный холодок
Нам, как Исае, пробирает кожу!

Я — малой родины колючая стерня,
Душа, что затоскует по земной аллее.
Ведь все провинции — законная родня
Тишайшей захолустной Галилеи.

Как мы папу ждали, и пришел он с книгой,
С яблоками, с картой, с парусами брига.
Как Тарзан кричал он, поднимал гантели.
Нынче воскресенье — лучший день недели.
Папа чутко слушал легкие вулкана.
Кит назначил папе встречу у фонтана.
Наполнял квартиру, счастье обещая,
То ли запах яблок, то ли запах рая.
И порхал над нами ангел из бумаги,
Рыцарю хватало силы и отваги
Вызваться на битву с огненным драконом...
Счастье выдается строго по талонам.
Был сегодня папа, папа, лучший в мире,
А сейчас так тихо в маленькой квартире.
Там стояли туфли, тут висела шляпа.
Папа приходящий, уходящий папа...

Моряки

Что нам нужно? Наша дружба, волны, ветер и маяк.
Что мы делали на суше? Ты моряк, и я моряк.
Каждый хочет плыть на помощь и кого-нибудь спасти.
Сын, ты станешь капитаном, надо только подрасти.
Мы поплыли морем Черным, морем Красным, как заря,
Белым, Желтым — есть на свете акварельные моря.
По пустыне океана плыли будто бы во сне.

Звезды яркие над нами, звезды тусклые на дне.
В небе галочка на память — мы запомним навсегда
И фонтаны над китами, и подводные стада,
И огни святого Эльма, и рванину парусов,
Ожиданье, очертанья неоткрытых островов,
Как с пиратами сражались и срывали черный флаг,
Как из трюма выпускали исхудавших бедолаг,
Плыли с картою сокровищ, бушевал девятый вал!..
Мама нас звала обедать, и обед наш остывал.
С мамой спорить бесполезно, наша мама всех главней.
Налегке спешим обратно без дублонов и гиней.
Дан приказ, а мы матросы. «Есть! — кричим на корабле. —
Рифы слева, рифы справа! Мы плывем к родной земле...»

Обетованная

Ловлю твое имя в обрывках речей Ханаана.
Подставишь ладони — то снег, то небесная манна.
Все слезы, что вытер хамсин изнуряющим летом,
Как росы, опять проступают и тают с рассветом.
Потрескались губы... Земля, распаленная зноем...
Но я — где струя родника, где-то рядом с тобою.
Я там, где тебе доверяет, поет — не боится
Так близко на ветке сидящая добрая птица...
Ты — словно река, поменявшая русло в пустыне.
Засох тамариск, и песками засыпан отныне.
Падение звезд караулю, а что остается? —
Хрипеть твое имя иссохшею глоткой колодца?
Закат и костер догорели, а боль — постоянна.
Любовь — это тоже земля, земля Ханаана...
Струятся песчинки, где гладь бирюзовая пела.
Скудела душа, а потом и земля оскудела.
Ловлю твое слово. Пески, помолчите. Я внемлю.
Я корни пускаю в бесплодную горькую землю.
Оливою должен я стать и доверчивой птицей.
И это случится, когда-нибудь это случится...

Распродажа

Женщина у метро
Продает свой аленький цветочек.
Прекрасное чудовище,
Навсегда поселившееся в ее юности,
Умрет без этого удивительного цветка,
Цветка с ароматом забытой верности...
Чего только нет в рядах у торговцев:

Здесь и белый плащ с кровавым подбоем,
И черепаха по имени Справедливость.
На нее мне не хватит денег.
Бард, я не куплю твой диск:
Зачем из веселых девушек
Ты делаешь грустные песни?
А ты, ловец чужих снов, ответь,
Почему твой улов столь печален?
Я не возьму зеркало:
Оно смотрит на меня слишком внимательно.
Вот слово «люблю», подслушанное у листопада,
И потаенная нежность,
Так похожая на неотправленное письмо,
И воздушный поцелуй,
Посланный с башни воздушного замка.
Неужели продается все?
Даже крылья заблудившегося ангела?
Не предлагайте мне часы —
Их стрелки похожи на ножницы,
Но они не умеют резать время.
Когда-то здесь, у метро,
Я купил свою первую гвоздику —
Мой аленький цветочек.

Слезы и зерна

Вот и компания вся собралась — новые плиты...
Словно из детской, зови, не зови — двери закрыты.
Пухом земля! Тишина-тамада чаши вздымает.
Слышно: душа, как зерно по весне, путь пробивает, —
Так в океанах место свое ищет слезинка...
Трогают корни камень, стекло, холод суглинка.
День бесконечен. Где крылья, где тень крыл херувима?
Ночь, что снотворным горчит и горчит, неодолима.
Души сроднились, души срослись кровно и вязко.
Вечность нужна, вечность, как бинт — на перевязку...
Год, черный год, что котенок шальной — с траурной лентой.
Ирис бумажный пророс и расцвел у постамента.
Ни пересилить, ни обмануть лемех природы:
Слезы и зерна примет земля — будут и всходы.
Только бы верить! Жаждать и пить время, как млеко.
Жил человек, дорогая душа... Нет человека!

